

Расширение областей применения информационных технологий и информационная безопасность государства

DOI 10.22394/1726-1139-2017-5-8-19

Алексеев Георгий Валерьевич

Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС (Санкт-Петербург)
Доцент кафедры правоведения
Кандидат юридических наук, доцент
intl@szags.ru

РЕФЕРАТ

Цифровой разрыв и производная от него дискриминация не ограничиваются отсутствием доступа у значительной части населения планеты к сетям электрической связи. В условиях цифрового неравенства права человека подвергаются ограничению на основании отсутствия ценности конкретного индивида для развивающейся информационной экономики. Политика преодоления современным обществом цифрового барьера требует скоординированных усилий международного сообщества в деле гармонизации информационной политики государств и бизнес-сообщества.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

информационная безопасность, средства массовой информации, медиабезопасность, медиатизация, информационные технологии, информационное право, цифровой разрыв, дискриминация

Alekseev G. V.

Extension of Information Technology's Application Areas and Information Security of the State

Alekseev Georgy Valeryevich

North-West Institute of Management, Branch of RANEP (Saint-Petersburg, Russian Federation)
Associate Professor of the Chair of Law
PhD in jurisprudence, Associate Professor
intl@szags.ru

ABSTRACT

The digital divide and derivative of it discrimination are not limited by the lack of access to telecommunication networks for a significant part of the population. In terms of digital divide, human rights are subjected to restriction on the ground of value's absence in the specific person for a developing information economy. The policy of overcoming the digital divide in modern society requires the coordinated efforts of the international community in the harmonization of state and business information policy.

KEYWORDS

information security, mass media, media security, mediatization, information technologies, media law, digital divide, discrimination

---

Случившаяся в XX в. демократизация мировой политики предопределила формирование нового порядка социально-политических угроз информационной безопасности, в то время как развитие искусственного интеллекта в начале XXI в. продемонстрировало уязвимость антропоцентрических систем перед лицом технического прогресса с непредсказуемым результатом. Сегодня, в то время как религиозная картина мира в значительной степени лишилась традиционной легитимации и перестала быть уни-

версальной истиной для всех, научная картина мира осталась в гипотетической плоскости доктринальных споров, которые непонятны подавляющему большинству представителей среднего класса. Электронные машины стали понимать и предсказывать исход избирательных кампаний лучше, чем те граждане, которым законом предоставлено право участвовать в электоральных процедурах. Технический прогресс последовательно вытесняет трудящихся из тех сфер народного хозяйства, где машины стали работать эффективнее людей, и этот процесс, начавшийся с автоматических телефонных станций Клода Шеннона, озаменовал цифровую эпоху, создал почву для формирования цифрового разрыва в обществе [20, р. 319–320; 25].

В конце ноября 2016 г. на заседании Совета по науке и образованию Президент Российской Федерации В. В. Путин призвал не демонизировать новые коммерческие сервисы, такие как Uber или Alibaba, однако согласился с мнением о том, что в будущем такие технологии могут создавать проблемы для традиционной экономики. «Они просто работают современным способом, но объективно это, конечно, создает для нас угрозы», — признал Президент Российской Федерации в ответ на заявление директора направления «Молодые профессионалы» Агентства стратегических инициатив по продвижению новых проектов Д. Н. Пескова о том, что в сфере компьютерных технологий капитализация «...стартапов, того же Uber, сравнима с капитализацией компании „Роснефть“», и сервисы, подобные Uber, в Россию уже «пришли и подрывают наши традиционные рынки»¹.

Информационные технологии позволяют создавать виртуальные торговые площадки вне национальной юрисдикции и реализовывать в рамках этих площадок широкий спектр товаров и услуг, от которых транснациональные корпорации получают высокие прибыли, позволяющие им вытеснять конкурентов с рынка. Угрозы от монополии международных компаний, получающих сверхприбыли, становятся все более очевидными: традиционный бизнес утрачивает конкурентные преимущества, теряет прибыль и терпит банкротство; приобретение товаров за рубежом нередко нарушает нормы национального законодательства; ширится неравенство между теми, кто освоил новые технологии ведения дел и теми, кто в силу объективных и субъективных причин остается в стороне от электронного бизнеса.

В начале XXI в. на международной арене угроза цифрового разрыва приобрела конкретные очертания. Тотальная компьютеризация всех сфер мирового хозяйства, создавая предпосылки для увеличения производительности труда, породила угрозу социального неравенства нового типа. Ограничение прав и свобод отдельных социальных групп из-за отсутствия у них доступа к эффективным средствам коммуникации стало новой формой дискриминации людей в современном мире. Социальные последствия цифрового неравенства остаются за пределами реалистичных экономических и политических прогнозов.

Как справедливо заметил в предисловии к Всемирному докладу ЮНЕСКО «К обществу знания» занимавший пост генерального директора ЮНЕСКО в период с 1999 г. по 2009 г. японский дипломат Коитиро Мацуура, будущее представляется «однозначно многообещающим и вызывающим известное беспокойство. Многообещающим — потому, что потенциал, содержащийся в разумном и умелом использовании новейших технологий, открывает поистине широкие перспективы для устойчивого развития человека и построения более демократических обществ. Вызывающим беспокойство — потому, что на этом пути действительно существуют вполне реальные препятствия и ловушки... Есть ... опасность того, что познавательный разрыв между самыми благополучными и развивающимися странами ... будет только уве-

¹Заседание Совета по науке и образованию [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/53313>

личиваться, а наряду с этим внутри общества одной и той же страны будут появляться и шириться собственные глубокие разрывы»¹.

Информационный разрыв впервые обсуждался на саммите глав государств «Большой восьмерки», прошедшем в июле 2000 г. на Окинаве, где была принята «Хартия глобального информационного сообщества». С тех пор вопрос о преодолении электронно-цифрового разрыва внутри государств и между ними стал предметом пристального внимания мирового сообщества. По итогам Международной конференции ЮНЕСКО «Медийно-информационная грамотность и формирование культуры открытого правительства», проходившей в июне 2016 г., была принята Ханты-Мансийская декларация, которая признала, что «взаимодействие заинтересованных сторон требует наличия ... способности искать надежную информацию и получать доступ к ней, критически ее оценивать и использовать, создавать и сохранять информацию и знания, а также обмениваться ими с использованием различных каналов, форматов и платформ»².

Доктрина информационной безопасности Российской Федерации³ признает тот факт, что «информационные технологии приобрели глобальный трансграничный характер и стали неотъемлемой частью всех сфер деятельности личности, общества и государства. Их эффективное применение является фактором ускорения экономического развития государства и формирования информационного общества». Однако угроза цифрового неравенства не нашла прямого отражения в рамках Доктрины. Вместе с тем, в соответствии с Доктриной информационной безопасности Российской Федерации, к национальным интересам в информационной сфере относится содействие формированию системы международной информационной безопасности, направленной на противодействие угрозам использования информационных технологий в целях нарушения стратегической стабильности, на укрепление равноправного стратегического партнерства в области информационной безопасности, а также на защиту суверенитета Российской Федерации в информационном пространстве. Цифровой разрыв не способствует равноправию в информационном пространстве и вызывает в международной системе такие опасные политические проявления, как Доктрина информационной безопасности Украины⁴, которая имеет явно выраженную антироссийскую направленность.

В Рекомендациях ЮНЕСКО — ИФЛА⁵ по медиа- и информационной грамотности 2013 г. отмечается, что «медиа- и информационная грамотность является фундаментальным правом человека в постоянно развивающемся цифровом взаимозависимом глобальном мире... Она может сократить информационный разрыв. Медиа- и информационная грамотность вооружает и обеспечивает людей знаниями о функциях медийных и информационных систем». Платформы, каналы и форматы современной коммуникации требуют от участников международного общения, коммерсантов и институтов гражданского общества высокого уровня культуры работы с информацией. Дефицит информационной культуры — одна из причин возникновения цифрового разрыва. Он проявляется в болезненном восприятии связанных с техническим прогрессом угроз и вызовов, поиском внешних

¹ К обществам знания. Всемирный доклад ЮНЕСКО. Издательство ЮНЕСКО. Париж. 2005.

² Ханты-Мансийская декларация «Медийно-информационная грамотность и формирование культуры открытого правительства» [Электронный ресурс]. URL: http://www.ifapcom.ru/files/2016/Hanty-Mansiiskaya_deklaratsiya_veb.pdf

³ Указ Президента Российской Федерации от 5 декабря 2016 г. № 646 [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2016/12/06/doktrina-infobezobasnost-site-dok.html>

⁴ Затверджено Указом Президента України від 25 лютого 2017 року № 47/2017 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.president.gov.ua/documents/472017-21374>

⁵ Международная Федерация библиотечных ассоциаций и учреждений (International Federation of Library Associations and Institutions)

и внутренних противников на государственном уровне, протекционизме на уровне национального хозяйства, ведет к призывам со стороны транснациональных корпораций отказаться от государственного суверенитета [4].

Плюрализм и переизбыток информации в современных условиях создают в информационном пространстве крайне плотную конкуренцию за удержание интереса аудитории к проблемам, которые входят в повестку дня мирового сообщества [3]. Неконкурентоспособность изолированных от универсальной медиасистемы информационных ресурсов подталкивает правительства государств к все более глубокой сетевой интеграции, которая предполагает способность граждан использовать самые современные информационные технологии в процессе организации досуга, трудовой деятельности и обучения. Знание алгоритмов поиска необходимой информации и умение применять их на практике становится необходимым условием социализации индивидов. В этом смысле общество знаний предполагает максимально широкую доступность информационных технологий, без какой бы то ни было дискриминации при доступе к сетевым ресурсам, без цифрового неравенства на национальном уровне. Вместе с тем в реальности уровень информационной культуры индивида зависит от множества факторов, в том числе от наличия образования и профессиональных навыков, аналитических способностей, которые определяют социальное неравенство в целом и цифровой разрыв в частности.

Неординарный голландский социолог Пауль Треанор, критикуя сетевое общество, предлагает своеобразный способ преодоления цифрового неравенства. Он призывает отказаться от единой информационной сети, утверждая, что «сеть — понятие скорее политическое и этическое, нежели технологическое. Она угрожает навязать себя миру. Сеть дурна сама по себе: свобода от цензуры и равные возможности доступа не сделают ее хорошей» [27]. Несмотря на очевидную абсурдность идеи о необходимости информационного регресса, популярность столь радикальной позиции значительна и заслуживает внимания.

В условиях интенсивного развития информационных технологий многие индивиды неизбежно становятся жертвами цифрового разрыва. Существенная часть населения испытывает трудности в связи с необходимостью приспособляться под технологические особенности сетей связи общего пользования. Всем приходится выстраивать отношения с нарождающимся искусственным интеллектом, в то же время очевидно, что способности по взаимодействию с ЭВМ формируются на индивидуальном уровне и в значительной степени отличаются у профессионалов, работающих в различных сферах народного хозяйства. Сегодня, когда поисковые виртуальные роботы стали обыденной реальностью на просторах сети интернет, работа известного австрийского футуролога Ханса Моравека «Робот: простая машина для трансцендентного разума» [21] стала восприниматься в несколько ином, тревожном контексте. Парадокс Моравека — принцип в области искусственного интеллекта, согласно которому «относительно легко достичь уровня взрослого человека в таких задачах, как тест на интеллект или игра в шашки, однако сложно или невозможно достичь навыков годовалого ребенка в задачах восприятия или мобильности» [22, р. 15] — стал проявляться в реальности, когда люди научились познавать окружающий мир через примитивные проявления искусственного интеллекта, которые прекрасно решают задачи по фиксации данных, однако, абсолютно лишены тех врожденных чувств, которые гарантируют взаимопонимание между людьми.

Задача познания окружающего мира при помощи роботов в известной степени зависит от отношения к роботам каждого конкретного человека. В практической плоскости профессионализм водителя или повара не зависит от их владения языками компьютерного программирования, так же как и учитель начальной школы призван находить взаимопонимание с детьми без посредников в лице авторов

компьютерных программ. Проблема масштабов интеграции искусственного интеллекта в повседневную жизнь человека содержит в себе угрозу злоупотребления возможностями цифровых технологий, опасность разрушения традиционных демократических социальных институтов, и для бедных людей — их подмену компьютерными суррогатами общения в сфере образования, социальной работы и политической коммуникации.

Цифровой разрыв между богатыми и бедными не может сохраняться в разреженном социальном пространстве, на его преодоление ориентирована значительная часть медиаиндустрии, которая заполняет своим контентом то пространство непонимания и неравенства, которое возникает вследствие социально-экономических причин. Цифровой барьер и цифровое неравенство между компьютеризированной индустрией и остальной физической экономикой порождают трансцендентное пространство относительного знания, контролируемое медиаструктурами.

В своих научных работах известный канадский ученый Герберт Маршал Маклюэн обоснованно полагал, что формат медиасистем и субъекты медиакommunikаций влияют на сознание аудитории в большей степени, нежели тот контент или содержание сообщений, которые передаются по каналам средств коммуникации [18; 19]. Однако представляется, что эффекты медиатизации затронули политическую систему в значительно большей степени, чем того можно было ожидать от агрегации медиаэлитой собственных политических интересов. Цифровой разрыв вызвал острое неравенство возможностей, которое породило системное неуважение к «лишним», «ненужным» людям, которых медиаиндустрия игнорирует или бесплатно использует в своих интересах.

Медиатизированное знание, достаточно часто являясь для моделирующей и ретранслирующей массовую информацию медиаиндустрии заведомо ложным, оценивается как истинное или в разной степени обсуждаемое социальными группами, которые подвержены цифровому разрыву и неспособны осознавать абсурдность окружающей их имманентной информационной реальности. В условиях цифрового разрыва медиаиндустрия, которая генерирует социальное пространство относительного знания, приобретает трансцендентальный характер. Средства массовой коммуникации, представляя собой часть имманентного окружения обывателя, выходят далеко за пределы понимания и восприятия собственной аудитории, приобретают значение важного политического инструмента мягкой силы [5].

Известный американский социолог и политолог, автор концепции этнокультурного разделения цивилизаций Самюэль Филлипс Хантингтон полагал, что «европейский плюрализм резко контрастирует с бедностью гражданского общества, слабостью аристократии и силой централизованных бюрократизированных империй, которые одновременно существовали в России, Китае и на Османских землях, а также в других не-западных обществах» [15, с. 99]. Такое политизированное деление общества на прогрессивное западное и отсталое остальное мировое общество оказалось чрезвычайно опасным проявлением уверенности в прогрессивности европейского плюрализма как такового. В условиях завершения периода холодной войны возник стереотип относительно способности всех людей, независимо от их вероисповедания, уровня образования, этно-культурных особенностей, политических убеждений, жить по законам западноевропейской демократии. Этот стереотип широко внедрялся через различные средства массовой информации, научные исследования, художественную литературу и кинематограф, международные политические институты и в итоге стал ярким примером медиатизированной реальности.

Медиатизация политической жизни существенно увеличила социальный разрыв между политическими элитами и избирателями, создав посредников в деле ретрансляции массового знания государственными органами. В социальном управ-

лении эффект медиатизации обусловлен необходимостью ограничения числа непосредственных контактов между верховной суверенной властью и подвластными субъектами. Количественные изменения в социальных системах потребовали качественных изменений в механизмах социального администрирования, поскольку традиционные системы управления перестали успевать обрабатывать обращения граждан. В условиях стремительного роста численности населения, стереотипы, свойственные общественному мнению, о которых писал в начале XX в. известный американский журналист Уолтер Липпман, трансформировались в экономически обусловленные модели восприятия окружающей действительности [5], которые настолько зависят от тех медиасистем, в которых они сформировались, что представления о богатстве и бедности, качестве жизни, уровне образования стали иметь значение только в рамках конкретной социальной группы.

Испанский социолог Мануэль Кастельс отмечает в своих работах глобальный тренд, который заключается в том, что постиндустриальная информационная экономика подключает к своей сети тех, кто представляет для нее интерес (тем самым придавая им дополнительную ценность), однако исключает из товарного оборота тех, кто бизнес-структурам не интересен (тем самым еще более уменьшая их шансы обрести какую-то ценность) [9; 10]. В этих условиях снижается ценность тех врожденных способностей человека, которые могут выполнять машины, обесцениваются личные качества человека, невостребованные цифровой экономикой, и резко возрастают в цене индивидуальные качества, которые невозможно воспроизвести искусственно, но которые необходимо использовать для достижения конкурентных преимуществ в глобальном информационном пространстве.

Популярные актеры, спортсмены, политики, писатели и режиссеры из обычных медийных образов стали источником критического социального неравенства, получив возможность обращать собственную популярность в сверхприбыль. Широкая и всемирная известность «звезд» цифровой медиаиндустрии совпала с процессами девальвации интеллектуального и физического труда на фоне стремительной глобализации. Разрыв между теми, кто востребован медиаэкономикой, и теми, кто остался за бортом медиаиндустрии, сопоставим с тем неравенством, которое определяется наличием права собственности на средства производства, однако нередко цифровой разрыв лишен всякой рациональной легитимации. Несправедливость в размере оплаты труда и оценке вклада индивида в общее благосостояние народа подрывает мотивацию молодежи к регулярному труду и создает иллюзию возможности получения легких денег за счет имманентной известности и популярности. При этом сами социальные механизмы формирования медийной популярности носят трансцендентный характер и определяют причины расширения и углубления цифрового разрыва, который заполняется все более рыхлой, нестабильной медиатизированной реальностью.

Разнообразные группы влияния ретранслируют свойственные им ценности, собирают вокруг себя сторонников из числа тех, кто в условиях стремительного роста численности населения оказался лишним или не до конца востребованным. В условиях, при которых значительная часть населения несправедливо отстранена от прогрессивных социальных отраслей, плюрализм как базовая ценность западной цивилизации становится основой, на которой возвращаются опасные радикальные режимы, склонные к политическому экстремизму, наблюдается деградация традиционной социальной морали.

Монография американских ученых Стюарта Рассела и Питера Норвига «Искусственный интеллект: современный подход» [23] демонстрирует развитие информационных технологий за последние три десятилетия, которое до неузнаваемости изменило окружающую человека социально-политическую действительность. Искусственный интеллект и машинное обучение стали средствами проникновения интеллекта в его новой, неизведанной до настоящего времени ипостаси в социальные процессы и пред-

меты окружающей действительности. Формирование интеллектуальных цифровых сетей изменило социально-политические условия современной демократии. Трансформация социальной культуры, связанная с развитием проявлений виртуальной реальности в направлении ее сближения с окружающей действительностью, с одной стороны, создала принципиально новые возможности для всех людей без исключения, с другой стороны, компьютеризация оставила без работы многих высококвалифицированных специалистов, а искусственный интеллект угрожает оставить без работы еще большее их число.

Доктринальный вопрос о том, насколько удачен и необходим термин «медиатизация» активно обсуждается в современной политической науке, а само явление медиатизации оценивается учеными по-разному [11; 13; 14; 17; 26]. Медиатизация (от немецкого «mediatisierung») в Священной Римской империи начала XIX в. была обусловлена необходимостью сокращения количества относительно самостоятельных политических образований, напрямую подчинявшихся верховной власти императора с трехсот до нескольких десятков. Генеральное постановление имперской депутации от 25 февраля 1803 г. (Reichsdeputationshauptschluss) обычно упоминается как последний закон Священной Римской империи, изменивший отношения между имперскими сословиями. Амбивалентность процессов германской медиатизации состояла в том, что секуляризация, наряду с территориальной реорганизацией, с одной стороны, создала условия для создания Германского союза в 1815 г., с другой — Священная Римская империя к 1806 г. прекратила свое существование ввиду глубоко системного кризиса [24].

Характеризуя изменения в индустрии производства и распространения массовой информации, шведский социолог, профессор Университета Гетеборга Кент Кристер Асп представил в 1986 г. концепцию медиатизации политической коммуникации [7]. Предложенная им историческая аналогия с реформами в Священной Римской империи оказалась весьма уместна. В конце XX в. политическая система стала в значительной степени подстраиваться под запросы журналистов в вопросах освещения государственной политики. Формирование принципиально новой политической системы под влиянием средств массовой информации создало медиатизированную социальную реальность, которая контролируется и корректируется медиаиндустрией через формат освещения политических событий. В работах современного британского ученого Даррена Лиллекера медиатизация превратилась в следствие медиационной демократии [16], при которой реализуется базовый тезис Маршалла Маклюэна «the medium is the message» (средство коммуникации и есть сообщение) [19].

В условиях развития искусственного интеллекта и информационных технологий медиатизация публичной власти стала одним из самых принципиальных трендов современной общественной жизни. Средства массовой информации постепенно ослабили авторитет исполнительной власти, законодательная и представительная власть принимают решения, исходя из прогнозируемой реакции журналистов и аудитории СМИ, а прогнозирование осуществляется с использованием элементов искусственного интеллекта. В постиндустриальном обществе всякое событие или действие инициирует социальную дискуссию с участием роботов, развивающуюся в условиях плюрализма и относительной анонимности, сформировавшихся в социальных сетях. Появление медиасообщества как самостоятельного субъекта внутренней политики стало вызовом как для государственных структур, так и для традиционных институтов гражданского общества. Медиатизированная элита заняла центральное место в политическом процессе демократического социального строя с развитыми информационными технологиями.

Понимание процессов медиатизации политики, как и социально-политическое исследование коммуникаций в целом, чрезвычайно затруднительно с терминологическими

гической точки зрения. Латинское слово «*medium*» и множественное число от него «*media*», а также все производные от них термины воспринимаются как нечто свойственное западной демократии и, напротив, несвойственное несправедливым политическим режимам. Справедливость в демократичной политике, производная от социального контроля со стороны субъектов международной журналистики, оказалась под сомнением в условиях цифрового разрыва. Ввиду того, что медиаиндустрия с энтузиазмом восприняла роль посредника между теми, кто обладает нужными качествами и технологиями, собственностью и ресурсами и теми, кто интересен медиасистеме только в качестве потребителя продукции, доверие народа к таким медиакратическим институтам оказалось подорванным.

Опасность, исходящая от политического процесса медиатизации, состоит в том, что заинтересованная в развлекательных медиасистемах публика, контактируя с медиаиндустрией, утрачивает предметное понимание власти, политики, культуры, истории, права и любых других объектов, подвергшихся медиатизации. Медиатизированная (виртуальная) реальность подменяет собой действительность, искажая социальные представления о происходящих в мире событиях, и формирует стереотипы и образы «звезд» и «сенсаций», далеких от реальности. Виртуальные образы медиа подменяют подверженную медиатизации действительность, создавая дихотомию между реальным и виртуальным, нереальным и потенциально вероятным, желаемым и актуальным. Результатом медиатизации реальности становится фрустрация подавляющего числа индивидов, интегрированных в виртуальное пространство медиакратии. Такая фрустрация представляет собой угрозу информационной безопасности всех участников общественно-политического процесса.

Характеризуя процессы медиатизации власти, российский журналист И. И. Засурский полагает, что «при условии существования мощных финансовых и политических группировок, обильно представленных в сфере массовой информации, сильный сектор государственных масс-медиа может способствовать не ущемлению, а сохранению свободы слова, представлению разнообразных точек зрения в СМИ, особенно учитывая тот факт, что интересы государства и крупного капитала редко совпадают» [1, с. 90]. Государственные средства массовой информации способны выполнять в условиях цифрового разрыва функцию реальной оппозиции по отношению к медиакорпорациям, устраняя при этом социальную фрустрацию, порождаемую виртуальной реальностью.

В свое время Кент Асп использовал термины «медиатизация», «медиакратия», «медиадиалогика» для того, чтобы объяснить как медиа стали важным посредником между политиками и народом [8]. Теоретические представления К. Аспа о средствах массовой информации, способных внедрять идеи через их медиатизацию в массовое политическое сознание, нашли отражение в работах датского специалиста в сфере медиакоммуникаций Стига Гарварда, который обратил внимание на то, что медиатизация связана с перенасыщенностью медиапространства развлекательным контентом, а также отметил тенденцию к медиатизации политических конфликтов в современном мире [12; 13; 14].

Президент Российской Федерации В. В. Путин в ходе мероприятий в честь 75-летия государственного информационного агентства «Россия сегодня» заявил: «Не может быть ситуации, когда если каким-то властям какая-то информация нравится, ее следует защищать и говорить о свободе распространения информации, о свободе прессы, а когда что-то не нравится, тут же обзывать эту информацию пропагандой кого бы то ни было, которая обслуживает какие-то политические группы, либо интересы конкретного государства»¹. В условиях действенных между-

¹ Путин: добросовестность и правда являются главными в информационном мире [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/society/20160607/1443890124.html>

народных гарантий реализации свободы слова материалы средств массовой информации с разными политическими интересами по одному и тому же вопросу будут достаточно часто не совпадать. Умение приходить к компромиссу в вопросах информационной политики государств и бизнес-сообщества во многом способно сглаживать противоречия и предотвращать эскалацию напряженности, провоцирующую углубление цифрового разрыва.

В отношении происходящих в современной международной политической системе изменений Председатель Конституционного Суда Российской Федерации В. Д. Зорькин отметил, что «важнейший фактор, в огромной степени определяющий сегодняшнее кризисное состояние международного права, — новая роль средств массовой информации в глобальном мире. Практика дезинформационных оценочных интерпретаций, которую специалисты давно называли „информационными войнами“, все настойчивее вытесняет международное право» [2].

Декан Высшей школы телевидения Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова В. Т. Третьяков в своей статье «Информационная война — тоже война» утверждает, что «современная информационная война ведется в условиях свободы СМИ и всех остальных свобод, отсутствия цензуры (даже военной), а также в условиях абсолютной прозрачности границ для передачи любой информации (интернет), начиная с кинофильмов, телепродукта и пр. и заканчивая собственноручно агентурной информацией, для передачи которой даже не нужно использовать какие-то тайные или кодированные системы связи» [6]. Представляется, что большинство субъектов международной политики в рамках глобального информационного пространства не заинтересованы в конфронтации. В реальности идеологическими противниками современного и прогрессивного мирового сообщества являются организованные преступные группы и радикальные либералы, которые стремятся использовать имеющиеся противоречия для разрушения государственности, привлекая для этого на свою сторону людей, пострадавших от проявлений социальной несправедливости.

В условиях плотной конкуренции носители свободы слова в основе своих действий по ее реализации всегда имеют определенный социально-политический или коммерческий интерес. Одна из проблем информационной безопасности в данном контексте состоит в том, что криминальные и экстремистские структуры также заинтересованы в использовании политического потенциала средств массовой информации. Экстремисты и преступные сообщества, опираясь на правовые гарантии свободы слова и откровенно ей злоупотребляя, используют последствия медиатизации и цифрового разрыва в своих интересах.

Средства массовой коммуникации — либеральный политический инструмент, который в случае его эффективного использования придает легитимность политическим решениям, обеспечивает адекватную реакцию демократического сообщества на неизбежные изменения во внутренней и внешней политике государства. Концепция общественной безопасности в Российской Федерации¹ видит одним из основных источников угроз общественной безопасности экстремистскую деятельность националистических, религиозных, этнических и иных организаций и структур, направленную на нарушение единства и территориальной целостности Российской Федерации, дестабилизацию внутривнутриполитической и социальной ситуации в стране. Особую озабоченность у авторов Концепции вызывает распространение экстремистских настроений среди молодежи. Принципиальную важность приобретает способность государства в изменяющихся политических условиях создавать не

¹ Концепция общественной безопасности в Российской Федерации / Утверждена Президентом Российской Федерации 14.11.2013 № Пр-2685 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/19653>.

просто Закон «О российской нации», а на практике демонстрировать преимущества эффективного российского государства для собственных граждан, для всего международного сообщества и — прежде всего — молодежи.

Концепция медиатизации затрагивает широкий спектр социально-политических вопросов и во многом объясняет актуализацию проблематики информационной безопасности в начале XXI в. Преодоление цифрового разрыва в современном обществе требует минимизации опасных проявлений международной конфликтности, поиска точек соприкосновения интересов национальных правительственных учреждений и современного электронного бизнеса, эффективных совместных мер противодействия международной преступности и экстремизму. Повышение политической ответственности современных средств массовой информации призвано способствовать достижению целей устойчивого развития и поддержанию авторитета демократических институтов в меняющемся мире.

Литература

1. *Засурский И. И.* Масс-медиа второй республики. М. : Издательство МГУ. 1999. 272 с.
2. *Зорькин В. Д.* Право против хаоса [Электронный ресурс] // Российская газета. 24 ноября 2015, № 6836 (265). URL: <https://rg.ru/2015/11/24/khaos.html>.
3. *Кириленко В. П., Алексеев Г. В.* Международное право и информационная безопасность государств: монография. СПб. : СПбГИКиТ. 2016. 396 с.
4. *Кириленко В. П., Алексеев Г. В.* Проблема государственного суверенитета в современных геополитических условиях // Управленческое консультирование. 2016. № 3 (87). С. 14–23.
5. *Кириленко В. П., Алексеев Г. В.* Демократия и «четвертая власть» // Управленческое консультирование. 2016. № 2 (86). С. 34–42.
6. *Третьяков В. Т.* Информационная война — тоже война // Информационное агентство «РИА Новости» [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/analytics/20160321/1393849944.html>
7. *Asp, Kent C.* Måktiga massmedier. Studier i politisk opinionsbildning, Stockholm: Akademilitteratur. 1986.
8. *Asp, Kent C.* Medialisering, medielogik, mediekrafi // Nordicom-Information, 4/1990: 7–12.
9. *Castells, Manuel; Himanen, Pekka.* The Information Society and the Welfare State: The Finnish Model. Oxford University Press, Oxford 2002, 219 p.
10. *Castells, Manuel.* The Rise of the Network Society, The Information Age: Economy, Society and Culture, Vol. I. Cambridge, MA; Oxford, UK: Blackwell (1996). The Power of Identity, The Information Age: Economy, Society and Culture, Vol. II. Cambridge, MA; Oxford, UK: Blackwell (1997) = *Кастельс М.* Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана. М. : ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
11. *Couldry, Nick. Hepp, Andreas.* Conceptualising mediatization: Contexts, traditions, arguments // Communication Theory, 23 (3), 2013, pp. 191–202.
12. *Eskjær M. F. (ed.), Hjarvard S. (ed.) & Mortensen, M. (ed.)* The Dynamics of Mediatized Conflicts 2015. New York: Peter Lang. 221 p.
13. *Hepp A. Hjarvard S., Lundby K.* Mediatization: theorizing the interplay between media, culture and society // Media, Culture & Society 2015 37(2) p. 314–324.
14. *Hjarvard S., Peterson L. N.* Mediatization and cultural change // *MedieKultur* 2013 54: 3.
15. *Huntington, Samuel P.* The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. New York, NY: Simon and Schuster, 1997. 368 p. = Хантингтон, С.Ф. Столкновение цивилизаций. М. : АСТ, 2003. 603 с. С. 99.
16. *Lilleker D. G.* Key Concepts in Political Communications. SAGE London. 2008. 224 p.
17. *Mazzoleni G., & Schulz, W.* (1999). “Mediatization” of Politics: A Challenge for Democracy? // Political Communication, 16(3), p. 247–261.
18. *McLuhan G.M.* Understanding Media: The Extensions of Man. N.Y. : McGraw Hill, 1964.
19. *McLuhan G.M. Fiore Q.* The Medium is the Massage: An Inventory of Effects. N.Y. : Random House, 1967.
20. *Mindell D.A.* Between Human and Machine: Feedback, Control, and Computing Before Cybernetics — Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2002. 439 p. P. 319–320.
21. *Moravec, Hans.* Robot: Mere Machine to Transcendent Mind. Oxford University Press, USA, 2000. 240 p.

22. Moravec, Hans. *Mind Children. The Future of Robot and Human Intelligence*. Harvard University Press. 1990. 224 p.
23. Russell, Stuart Jonathan; Norvig, Peter. *Artificial Intelligence: A Modern Approach*. Prentice Hall, 2010. 1132 p.
24. Reitwiesner, William Addams. One of the major questions about the Mediatized Houses is the word "Mediatized". 1998.
25. Shannon E.C. *A Symbolic Analysis of Relay and Switching Circuits*. MS Thesis, Massachusetts Institute of Technology, 1937.
26. Strömbäck, J. Four Phases of Mediatization: An Analysis of the Mediatization of Politics // *International Journal of Press / Politics*, 2008, 13, p. 228–246.
27. Treanor, Paul. Internet as hyper-liberalism. 1996 (Треанор, Пауль. Интернет как гиперлиберализм) [Электронный ресурс]. URL: <http://web.inter.nl.net/users/Paul.Treanor/net.hyperliberal.html>

References

1. Zasursky I.I. *Mass media of the second republic* [Mass-media второй республики]. М. : MSU publishing house. 1999. 272 p. (rus)
2. Zorkin V.D. *The law against chaos* [Pravo protiv khaosa] [Electronic resource] // Russian newspaper [Rossiiskaya gazeta]. On November 24, 2015, N 6836 (265). URL: <https://rg.ru/2015/11/24/khaos.html> (rus)
3. Kirilenko V.P., Alekseev G.V. *International law and information security of the states* [Mezhdunarodnoe pravo i informatsionnaya bezopasnost' gosudarstv]: monograph. SPb. : St.Petersburg State University of Film and Television [SPbGikIT], 2016. 396 p. (rus)
4. Kirilenko V.P., Alekseev G.V. *A problem of the state sovereignty in modern geopolitical conditions* [Problema gosudarstvennogo suvereniteta v sovremennykh geopoliticheskikh usloviyakh] // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2016. N 3. P. 14–23. (rus)
5. Kirilenko V.P., Alekseev G.V. *Democracy and «fourth estate»* [Demokratiya i «chetvertaya vlast'»] // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2016. N 2. P. 34–42. (rus)
6. Tretyakov V.T. *Information war – is war* [Informatsionnaya voina — tozhe voina] // RIA News [An electronic resource]. URL: <https://ria.ru/analytics/20160321/1393849944.html> (rus)
7. Asp, Kent C. *Måktiga massmedier*. Studier i politisk opinionsbildning, Stockholm: Akademilitteratur. 1986.
8. Asp, Kent C. *Medialisering, medielogik, mediekra*ti // Nordicom-Information, 4/1990: 7–12.
9. Castells, Manuel; Himanen, Pekka. *The Information Society and the Welfare State: The Finnish Model*. OxfordUniversityPress, Oxford, 2002, 219 c.
10. Castells, Manuel. *The Rise of the Network Society, The Information Age: Economy, Society and Culture*, Vol. I. Cambridge, MA; Oxford, UK: Blackwell (1996) *The Power of Identity, The Information Age: Economy, Society and Culture*, Vol. II. Cambridge, MA; Oxford, UK: Blackwell (1997).
11. Couldry, Nick, Hepp, Andreas. *Conceptualising mediatization: Contexts, traditions, arguments* // *Communication Theory*, 23 (3), 2013 pp. 191–202.
12. Eskjær M. F. (ed.), Hjarvard, S. (ed.) & Mortensen, M. (ed.) *The Dynamics of Mediatized Conflicts* 2015. New York : Peter Lang, 221 p.
13. Hepp, A. Hjarvard, S., Lundby K. *Mediatization: theorizing the interplay between media, culture and society* // *Media, Culture & Society* 2015 37(2) p. 314–324.
14. Hjarvard S., Peterson L.N. *Mediatization and cultural change* // *MedieKultur* 2013 54: 3.
15. Huntington, Samuel P. *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. New York, NY : Simon and Schuster, 1997. 368 p.
16. Lilleker D.G. *ey Concepts in Political Communications*. SAGE London. 2008. 224 c.
17. Mazzoleni, G., & Schulz, W. (1999). «Mediatization» of Politics: a Challenge for Democracy? // *Political Communication*, 16(3), p. 247–261.
18. McLuhan, G.M. *Understanding Media: The Extensions of Man*. N.Y. : McGraw Hill, 1964.
19. McLuhan, G.M., Fiore Q. *The Medium is the Massage: An Inventory of Effects*. N.Y. : Random House, 1967.
20. Mindell D.A. *Between Human and Machine: Feedback, Control, and Computing Before Cybernetics*. Baltimore : Johns Hopkins University Press, 2002. P. 319–320. 439 p.
21. Moravec, Hans. *Robot: Mere Machine to Transcendent Mind*. Oxford University Press, USA 2000. 240 p.

22. Moravec, Hans. *Mind Children. The Future of Robot and Human Intelligence*. Harvard University Press. 1990. 224 p.
23. Russell, Stuart Jonathan; Norvig, Peter. *Artificial Intelligence: A Modern Approach*. Prentice Hall, 2010. 1132 p.
24. Reitwiesner, William Addams. *One of the major questions about the Mediatized Houses is the word «Mediatized»*. 1998.
25. Shannon E. C. *A Symbolic Analysis of Relay and Switching Circuits*. MS Thesis, Massachusetts Institute of Technology. 1937.
26. Strömbäck, J. *Four Phases of Mediatization: An Analysis of the Mediatization of Politics* // International Journal of Press / Politics, 2008, 13, p. 228–246.
27. Treanor, Paul. *Internet as hyper-liberalism*. 1996. [Electronic resource]. URL: <http://web.inter.nl.net/users/Paul.Treanor/net.hyperliberal.html>